

Иан Мюррей

ДЖОНАТАН ЭДВАРДС

Биография

перевод с английского

Здолбунов
2023

Предисловие

«Каким бы несовершенным ни был этот труд, он стоил мне немало времени и усилий, больше, чем я изначально предполагал, когда только за него взялся». Такими словами в 1761 году Сэмюэл Хопкинс заканчивал биографию «Жизнь и характер почившего преподобного Джонатана Эдвардса» (The Life and Character of the Late Reverend Mr. Jonathan Edwards). Наверное, все последующие авторы, писавшие об Эдвардсе, испытывали похожие трудности. Один лишь объём сочинений Эдвардса уже составляет серьёзную проблему. Роберт Холл, известный английский пастор, говорил, что мог бы «шестьдесят лет без устали и с превеликим удовольствием читать труды Джонатана Эдвардса», однако биографы не располагают таким количеством времени. Уже ни у кого не вызывает удивления тот факт, что многие авторы, решившиеся на написание биографии Эдвардса, так и не смогли исполнить свою мечту. В 60-х годах XIX века пресвитерианский проповедник и редактор трудов пуритан Александр Б. Гросарт писал, что собрал немало материалов для написания «достойной биографии» Эдвардса. Эта книга так и не увидела свет. Возможно, Гросарт оставил попытки её написать, узнав, что по ту сторону Атлантики профессор Эдвардс Амаза Парк уже взялся за дело. Успешно составив в 1854 году биографию Сэмюэла Хопкинса, Парк, по-видимому, на протяжении всей оставшейся жизни занимался Эдвардсом. В 1897 году Гросарт писал: «Профессор Парк из Эндоваера, Массачусетс, глубокоуважаемый и почтенный богослов и учёный, уже давно занят написанием достойной биографии Эдвардса». Но в 1900 году Парк умер, не завершив биографию, которая так и не была издана.

Редакторы и издатели сталкивались с похожей проблемой и в попытке издать труды Эдвардса. Издательство Йельского

университета начало выпуск полного собрания сочинений Джонатана Эдвардса (*The Works of Jonathan Edwards*) ещё в 1957 году, но на сегодняшний день, много лет спустя, выпущено лишь семь томов, в которых содержится менее половины всех материалов, вошедших в лондонское двухтомное издание 1834 года, которое в настоящее время переиздаётся в издательстве *The Banner of Truth*. В ближайшем будущем именно это британское издание трудов Эдвардса, скорее всего, будет единственным доступным (в том числе и материально) широким кругам верующих, ведь именно им главным образом и принадлежит духовное достояние Джонатана Эдвардса.

Мы писали эту книгу с целью побудить читателей прочесть труды самого Эдвардса. Поэтому, приводя цитаты, мы даём ссылки на страницы текстов Эдвардса по двухтомному изданию. Те же, кто ещё не читал его произведения, могут воспользоваться памяткой в Приложении 1, где я даю несколько советов, с чего лучше было бы начать.

Сейчас, подписывая уже готовую рукопись в печать, я понимаю, что обязан многим людям. Преподобный Джеймс Шифардсон был пастором методистской церкви в Дареме, Англия. Я не был знаком с ним лично, но принадлежащий именно ему экземпляр тогда редкого британского двухтомного издания Эдвардса передала мне его дочь 21 мая 1952 года. Эти два тома до сих пор остаются моим бесценным сокровищем, несмотря даже на то, что они разошлись и развалились под гнётом времени.

Я также благодарен Джорджу Клэгхорну из Вест-Честера, штат Пенсильвания, за его помощь мне – совершенно незнакомому человеку – в библиотеке Бейнеке в Йельском университете в Нью-Хейвене в 1967 году. У нас был общий интерес – рукописи Эдвардса, хранящиеся теперь в этой библиотеке. Доктор Клэгхорн приостановил собственное исследование, чтобы помочь мне, и даже свозил меня в Ист-Виндзор и Нортгемптон. Он нашёл больше отдельных писем из корреспонденции Эдвардса, чем кто-либо ещё, и некоторые из этих писем к настоящему времени были опубликованы в йельском издании собрания сочинений Эдвардса. Несомненно, что, если доктору Клэгхорну удастся

завершить необъятный труд по переписке Эдвардса, это станет незаменимым подспорьем для биографов будущего.

На более поздних этапах работы неоценимую помощь мне оказал д-р Стюарт Пиггин из университета Вуллонгонга в Новом Южном Уэльсе, который во время визита в Йель в 1985 году прочитал уже набранный текст моей работы и дал мне несколько ценных советов.

Я смог совершить лишь несколько поездок в библиотеки Соединённых Штатов. Но я не могу не выразить благодарность библиотеке Бейнеке и исследованиям других людей, возможным благодаря её уникальной коллекции рукописей Эдвардса. В Великобритании я в долгу у Евангелической библиотеки и библиотеки д-ра Уильямса в Лондоне, а также у библиотеки Нью-Колледжа в Эдинбурге. В Сиднее огромную помощь мне оказала библиотека Фишера Сиднейского университета.

На протяжении двадцати лет работы над этой биографией мне помогало большое число ассистентов. И хотя здесь сложно привести полный перечень их имён, я не могу не выразить каждому из этих людей свою благодарность и признательность.

Хотелось бы также поблагодарить за поддержку моих друзей: Джеймса Адамса из г. Меса, штат Аризона, а также Джеймса Б. Эшельмана и Чарльза и Пенни Клотц из Карлайла. Я также благодарен всем своим коллегам, сотрудникам издательства *The Banner of Truth*, за их ежедневную незаменимую помощь.

Мы верим, что все истины, отображением которых была жизнь Джонатана Эдвардса и его семьи, актуальны и сегодня. Одна из этих истин заключается в том, что верующая жена христианина его самый лучший и самый верный помощник. А если бы это было не так, то работа над этой книгой никогда бы не завершилась.

Мы благодарны за то, что смогли завершить этот труд прежде всего потому, что верим: жизнь и сочинения Эдвардса весьма актуальны в нынешний период истории Церкви. Если бы он видел, как далеко шагнуло вперёд Царство Божье за последние два столетия, он бы не удивился. В истории было немного христиан, смотревших в будущее с большим оптимизмом, чем Эдвардс. Например, он верил, что век научных открытий в то время находился

лишь в зачаточной стадии и что «вскоре появятся технические новшества, которые облегчат общение между разными странами по всей земле. Такая коммуникация будет быстрее, проще и безопаснее, чем в настоящее время». Огромные расстояния, разделяющие народы в XVIII веке, исчезнут, и «отдалённые концы земли пожмут друг другу руки», и, благодаря этому прогрессу, Господь начнёт приближать тот день, когда «вся земля соединится в единое общество, единое Тело Христово». Работая над этой книгой, мы часто вспоминали эти слова сначала в Британии, затем в Австралии. Пусть же Бог и дальше использует свидетельство раба Своего, чтобы разжечь огонь веры в истину и молитвы о пробуждении грядущих поколений!

Иан Мюррей, 21 июля 1986 года, Шотландия.
3 Murrayfield Road, Edinburgh

Введение

О понимании Эдвардса

Неважно, выражает ли биограф Джонатана Эдвардса свою личную точку зрения с самого начала, потому что, так или иначе, вскоре она неизбежно проявится. Эдвардс вызывал разногласия у людей при жизни и продолжает вызывать не меньшие разногласия у своих биографов. При всём многообразии книг, написанных об Эдвардсе, в них нет и тени согласия. Практически единственное утверждение об Эдвардсе, с которым согласятся все, – то, что Эдвардс был выдающимся человеком, который родился в 1703 году и умер в 1758 году в возрасте 54 лет. Что касается природы его великой личности, значимости его жизни и идей, оценки его характера и произведений – во всём этом и во многом другом мнения расходятся.

Согласно одному из мнений Эдвардс заслуживает остаться в памяти как первый систематический философ и «величайший мыслитель» Америки XVIII века. Издательство Йельского университета отобразило эту позицию, когда в 1957 году начало переиздание трудов Эдвардса с самого философского из его произведений – *A Careful and Strict Enquiry into the Modern Prevailing Notions of that Freedom of Will, Which is Supposed to be Essential to Moral Agency, Virtue and Vice, Reward and Punishment, Praise and Blame* («Тщательное и строгое исследование современных преобладающих представлений о свободе воли, которая, как предполагается, необходима для нравственного становления, добродетели и порока, вознаграждения и наказания, похвалы и порицания»).

Но есть и веские причины опровергнуть такое представление об Эдвардсе. Такая оценка не согласуется с основным впечатлением, которое сам Эдвардс производил на своих современников. Образ «великого философа» не относится к XVIII веку,

а сложился в следующем после его жизни столетии. Те, кто знал Эдвардса лучше всех, никогда не говорили, что он был прежде всего «философом». Проповедник Гилберт Теннент, первым объявивший о кончине Эдвардса в филаделфийской газете 28 марта 1758 года, описывал его так: «...выдающийся богослов, закон Божий был его любимым предметом изучения, а служение – самым сладостным трудом». Другой друг Эдвардса, вероятнее всего, Сэмюэл Финли в том же году анонимно писал, что Эдвардс в первую очередь был глашатаем «практического и жизненно важного христианства» (1.144). Для Эзры Стайлза, как и для многих других, Эдвардс был прежде всего «великим богословом». И это часто повторяющееся мнение об Эдвардсе бытовало не только в американских колониях. Джон Ньютон из Лондона (1725–1807), отвечая на вопрос, кто был самым великим богословом его времени, не колеблясь, заявил: «Эдвардс»¹.

Однако в следующем столетии многие жители Новой Англии имели совершенно иное мнение. Они были уверены, что если и было за что ценить Эдвардса, то *не* за его богословие. Так как богословие означает вероисповедание, а вероисповедание Эдвардса, к счастью, осталось в прошлом. Говоря словами Уильяма Эллери Чаннинга, «кальвинизм идёт к закату, чтобы больше никогда не взойти снова». Оливер Уэнделл Холмс был убеждён, что «если бы он [Эдвардс] жил на 100 лет позже и дышал воздухом свободы, он бы не писал с таким устаревшим варварством, присущим его неистовым проповедям».

Ближе к концу XIX столетия все те, кто благожелательно отзывался об Эдвардсе, считали необходимым принести извинения за его убеждения. Казалось, он мог сохранить остатки уважения только как «философ». Однако, когда подобная переоценка была снова тщательно изучена в свете исторических фактов, она была обречена на неудачу. Нынешний век принёс новые исследования и новые выводы. Ещё в 1904 году, когда большинство комментаторов по-прежнему утверждали обратное, Ф. Дж. Е. Вудбридж завершил статью об Эдвардсе в журнале *The Philosophical Review* следующими словами: «Мы помним его не как величайшего американского философа, а как величайшего американского кальвиниста»².

Факт остаётся фактом: в трудах Эдвардса экскурсы в область философии были единичны и второстепенны по отношению к его главной идее, а теология, или «богословие», была истинной основой его жизни. Место Эдвардса в истории не в ряду с Локком, Беркли и Кантом. Его жизнь и влияние в основе своей касались религии.

В настоящее время этот факт уже широко признан, но общего согласия до сих пор нет. Наиболее популярные современные исследователи жизни и наследия Эдвардса придерживаются мнения, что как религиозный деятель он велик в своей религиозной «трагедии». «Трагедия» заключается в том, что Эдвардс, будучи «самым выдающимся умом в истории американского христианства», унаследовал столь жёсткие кальвинистские взгляды, что не смог их преодолеть.

Так, например, полагал Генри Б. Паркс, первый из современных биографов, в своей книге *Jonathan Edwards, The Fiery Puritan*, 1930 («Джонатан Эдвардс, пламенный пуританин»). За исключением Артура К. МакГифферта, менее склонного критиковать учение Эдвардса, все биографы Эдвардса XX века согласны с мнением Паркса. Например, Ола Уинслоу в своём полезном с точки зрения фактов труде «Джонатан Эдвардс» полагает, что Эдвардс был пленником устаревшей, изжившей себя системы богословия: «...его оковы кажутся почти трагическими». Перри Миллер, самый известный автор, писавший об Эдвардсе в XX веке, прямо заявлял: «Жизнь Эдвардса – это трагедия... Своей верой Эдвардс нанёс неисчислимый вред»³.

Целая плеяда менее известных авторов повторяют эту же мысль. Так, например, Питер Гэй пишет: «Джонатан Эдвардс был величайшим трагическим героем», который хотел «спасти сущность пуританской веры, разъясняя её, защищая её и проповедуя её поколению, которое не желало его слушать»⁴. Герберт У. Шнайдер сокрушается: «Его философское осмысление оказалось погребённым под руинами его религии. Он не смог увидеть бесполезность отстаивания принципов пуританизма»^{*}.

* *The Puritan Mind*, 1930, p. 177. *Jonathan Edwards: Bibliographical Synopses*, 1981. Подобные цитаты, приводимые Нэнси Манспикер, можно также найти на с. 183, 264, 562 и т. д.

Следует отметить, что большинство этих авторов искренне считают Эдвардса достойным похвалы, ибо такие достижения, вопреки препятствиям его верований, – настоящее величие. Но мы и не можем ожидать, что они захотят восстановить *учение*, проповедуемое Эдвардсом. В 1961 году в пародийном стихотворении *The Theology of Jonathan Edwards* («Богословие Джонатана Эдвардса») Филлис Макгинли писала:

*«Коль его научишь верно,
Будет он дитяам примерным
И, идя ко сну в кровать,
Он бояться будет спать.
Он побоится повстречаться
С Богом мистера Эдвардса –
С гневным и злоеющим Богом,
С Богом ужаса святого
Если будет не знаком
С милующим нас Отцом»⁵.*

Если мнения о Джонатане Эдвардсе так радикально расходятся ещё при попытке дать первоначальную общую оценку его личности, неудивительно, что в дальнейшем разница во мнениях будет лишь возрастать. К примеру, описания его характера у разных авторов противоречат друг другу во всём. Гилберт Теннент в уже цитируемом нами некрологе 1758 года пишет, что Эдвардс был не только верен Господу, но и «ничто в поведении Эдвардса не впечатляло и не очаровывало так, как его прямота и искренность в отношениях с людьми». В то же время Перри Миллер утверждает, что «люди считали его обманщиком». Тот же Миллер отмечал: «Эдвардс был горделивым, заносчивым и безрассудным»⁶. С другой стороны, Сэмюэл Финли в 1758 году писал: «По своей природе Эдвардс имел ровный характер, а его кроткая, скромная и спокойная манера очень располагала к себе людей» (1.44).

Несомненно, мнения об Эдвардсе, высказанные в XVIII веке, отличались от суждений XX века. Но объяснять это лишь временем

написания биографий было бы упрощением. Двести лет назад с мнением Перри Миллера согласились бы ещё как минимум два человека. За четыре года до своей смерти сам Эдвардс говорил: «Меня часто обвиняли в том, что я руководствовался только дурными взглядами, жестокосердием и гордыней, а также своенравным и тираническим духом»⁷.

Неудивительно, что оценки произведений Эдвардса также диаметрально противоположны. Возможно, самой широко известной и наиболее переиздаваемой книгой Эдвардса является «Жизнь Дэвида Брейнерда». В первоначальном предисловии к изданию 1749 года Эдвардс говорит о Брейнерде так: «Вот где поистине выдающийся пример истинного и славного христианского благочестия в сердце и поведении» (2.315). Многие были солидарны с Эдвардсом. Джон Уэсли пишет о Брейнерде и его «абсолютной посвящённости, почитании себя совершенно мёртвым для мира и о ревностной любви к Богу и ближнему». Ещё в 1904 году в книге «Дневник Дэвида Брейнерда» Александр Смелли писал: «Посвящение Дэвида Брейнерда устремлено к божественным высотам, и мы прищуриваем глаза, провожая взглядом его полёт к Богу». Но более современные критики произведения Эдвардса о Брейнерде видят его совершенно иначе. Их общее мнение высказывает Ола Уинслоу, которая убеждена, что «историю Брейнерда невозможно читать спокойно, а уж тем более ей восхищаться»⁸.

Или, например, в то время как Уильям Каннингем считает, что труд Эдвардса «Первородный грех» является «одним из ценнейших и непреходящих достояний христианской церкви»⁹, историк Уильям Э. Х. Лекки, напротив, полагает, что «это одна из самых отвратительных книг, написанных рукой человека»¹⁰.

Принимая во внимание такое расхождение мнений, читатель отнюдь не удивится тому, что и взгляды самого Эдвардса тоже являются предметом споров. Я имею в виду не его богословские взгляды, а его мнения о людях и событиях. Современник Эдвардса Чарльз Чонси говорил, что Эдвардс был «энтузиастом-мечтателем, словам которого нельзя придавать значение». По этой или какой-то иной причине авторы смело пренебрегали суждениями самого Эдвардса. Примером тому может послужить личность и

труд Джорджа Уитфилда. Эдвардс и Уитфилд были современниками, пути которых пересеклись в 1740 году. После того как они провели некоторое время вместе, Эдвардс написал о добром нраве Уитфилда, о его «ревности и смелости» и практической любви к людям (1.421, 424). Эдвардса не удивляло, какое «великое благословение и большой успех даровал Господь мистеру Уитфилду» (1.429). В то же время профессор Перри Миллер пишет об этом же человеке как о «самой отвратительной личности, которая когда-либо оказала влияние на историю»¹¹.

Сказать, что критики расходятся во мнениях об Эдвардсе, – значит ничего не сказать. Но как тогда объяснить такую разницу во мнениях? Действительно ли эти авторы пишут об одном и том же человеке, об одних и тех же книгах и событиях?

Конечно же, это нельзя объяснить отсутствием информации, не позволяющим дать более точную оценку. Эдвардс – это не малоизвестная личность, которую трудно понять из-за недостатка надёжных первоисточников. Напротив, философия и жизнь Эдвардса подтверждены документами лучше, чем жизнь и учение большинства американцев XVIII века. Для начала существует более 1100 проповедей Эдвардса в авторской рукописи. Есть множество книг, в том числе исторических, опубликованных Эдвардсом при жизни. Есть также и автобиографический материал, часть дневника и около 200 писем Эдвардса. Кроме этого, есть свидетельства множества очевидцев и других современников. Наконец, имеется больше шести биографий, изданных после его смерти. Поэтому объяснить различие во мнениях об Эдвардсе отсутствием надёжной информации никак нельзя.

Как можно было бы ожидать, все цитируемые выше биографы Эдвардса читали его труды. Это может показаться странным, но причина столь противоречивых мнений об Эдвардсе заложена в самой сущности его произведений. Всё дело в природе христианства. Согласно принятым стандартам современного мышления религиозные переживания исключительно субъективны, и их нельзя воспринимать как непреходящие духовные реалии. С этой точки зрения молитва является лишь психологическим упражнением, а богословие – вопросом изменчивого человеческого

мнения. Если и существует нечто безграничное и вечное, оно не славится прямым воздействием на ежедневные реалии нашего мира. Бог, небеса, бессмертие – это понятия, которые нельзя рассматривать как факты, а библейское свидетельство об этих вопросах имеет не больший авторитет, чем свидетельство любой другой книги. Развитие образования и просвещения неминуемо упразднило ту систему нравственных ценностей, ту вселенную, в которой видел себя сам Эдвардс. Таким образом, нам ничего не остаётся, как только оценивать жизнь и философию Эдвардса с чуждой для него точки зрения.

Однако существует один исторический факт, который должен призвать сторонников этой теории задуматься. Дело в том, что небиблейские взгляды на жизнь и религию не являются результатом недавнего прогресса, но были прекрасно знакомы самому Эдвардсу. Ему было всего 33 года, когда в 1736 году епископ Джозеф Батлер писал: «Не знаю почему, но многие люди воспринимают как само собой разумеющееся, что христианство не предмет исследования, но что его давно разоблачили как фикцию. И, соответственно, ведут себя так, будто в нынешнее время этого мнения придерживаются все благоразумные люди». Так что эта «современная» точка зрения не так уж и современна. Сегодняшний скепсис не удивил бы Эдвардса. И хотя это звучит странно (если бы современный тезис был верным), но современное нам изображение Эдвардса как «религиозной трагедии» было хорошо знакомо ему самому, ведь подобную фразу употребляли неверующие XVIII века в отношении его предшественников-христиан. Он говорит нам, что «первые реформаторы и последователи их учения и придерживающихся доктрин, известных как кальвинистские» представлены «многими усопшими авторами» как люди «со скованным разумом, живущие в мрачных пещерах суеверий» и учащие «чудовищным взглядам», достойным лишь отвращения со стороны «почтенной публики, обладающей благородной и щедрой свободой мысли, к счастью, преобладающей в наш век просвещения и изысканий» (I.88–89). И, словно предвосхищая слова, которые через двести лет будут сказаны о нём самом, Эдвардс отмечает,

что эти просвещённые критики «с большой долей снисходительности» высказали предположение, что «те древние выдающиеся богословы... были честными и имели самые благие намерения, тем самым высказывая к ним свою снисходительность и сострадание, поэтому, по их словам, они сделали, что могли, учитывая время, в которое они жили, и те невзгоды, которые им приходилось переживать во время служения».

Современные авторы в целом умолчали о том, что было главным в мышлении Эдвардса. Прежде всего, он был христианином и проповедником христианской веры. Главенствующая власть греха в его сердце, препятствовавшая ему «любить Бога, верить во Христа и делать что бы то ни было доброе и приемлемое в Божьих глазах», была уничтожена «вмешательством суверенной благодати». По его собственному свидетельству, это произошло отнюдь не с рождения, но Бог вмешался в его жизнь и дал ему осознание Спасителя, Которому он потом поклонялся и служил и в Котором радовался всю оставшуюся жизнь. Именно о таком обращении к вере учит Новый Завет. Именно этого, согласно новозаветному учению, нам и следует ожидать.

Согласно Новому Завету, а, соответственно, и Эдвардсу, различие между возрождённым христианином и остальным человечеством – это самое радикальное из всех разделений*.

То, что открыто младенцам, скрыто от гордецов. По словам Эдвардса, причина, «по которой евангельские истины кажутся людям безвкусными и пресными», заключается в том, что «эти истины являются набором слов, для которых в головах людей нет соответствующих представлений... Это похоже на мёртвую или иноземную букву, то есть звуки и буквы, не имеющие для нас никакого значения. Именно поэтому они часто считают религию глупостью, а святых – глупцами. Именно поэтому Писание не

* Вкратце стоит упомянуть, что Питер Гэй хотя бы признаёт, что отсутствие веры в Библию ставит любого человека в позицию, отличную от позиции Эдвардса. Гэй не пытается объяснить, как можно верить во Христа, не веря в единственную книгу, в которой Он явлен, но пишет следующее: «Для Локка единственная догма, в которую должен уверовать христианин, единственная догма, в которую он может уверовать, – Христос есть Мессия. Но Эдвардс пошёл ещё дальше, приняв свидетельство Писания как буквально истинное» (*Jonathan Edwards, A Profile*, p. 248).

кажется им сладостным, а благочестивых людей они называют фанатиками и им подобными»¹².

Те, кто полагает, что современное просвещение вытеснило верооятность сверхъестественного и заменило Библию как откровение Бога живого, должны хотя бы рассмотреть альтернативную причину, которая, по мнению Эдвардса, стоит за неверием. Вместо этого, подобно тем, о ком сокрушался Батлер в 1736 году, они просто приняли на веру, что христианство «разоблачили как фикцию». Так они и продолжают писать об Эдвардсе, как будто это представление не накладывает никакого отпечатка на то, насколько подлинным будет восприятие его жизни и образа мыслей. Они просто не удосуживаются задать себе вопрос: а что, если религия Эдвардса действительно соответствует Библии и учению Христа, а что, если всё это истина? Как правило, все ссылки на Библию, которые они делают, так же поверхностны, как и фраза Генри Черчилля Кинга во время празднования двухсотой годовщины со дня рождения Эдвардса, когда он высказал своё сожаление о том, что Эдвардсу крайне не хватало «восхитительной Христовой веры в человека».

В этой книге мы предлагаем рассмотреть собственное объяснение Эдвардса причины того, почему этот мир никогда не согласится с христианскими переживаниями и христианской истиной. Дело в том, что во все времена спасающее знание Бога неизбежно приносило разделение среди людей – некоторым оно являет реальность, которая остаётся закрытой для других:

*«Никто не может истинно поклоняться Богу,
как только те, кто получил славу свыше
и в ком Божья природа...»*

О тех, кто обрёл евангельскую веру, Христос говорит Своему Отцу: «Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира» (Ин. 17:14).

В этом основополагающая причина столь сильно расходящихся мнений об Эдвардсе, по которой описания его биографов также должны иметь столько несоответствий. Это различие восходит

к самой Библии, и, в зависимости от нашего отношения ко Христу, мы должны принять либо одну, либо другую сторону в интерпретации жизни и характера этого человека, бывшего, прежде всего, христианином.

Все три первых биографа Эдвардса были мужчинами, имевшими, подобно исследуемому ими персонажу, опыт пасторского служения. Лишь первый из них, Сэмюэл Хопкинс (1721–1803), написавший и опубликовавший в 1765 году книгу *Life and Character of the Late Reverend Jonathan Edwards* («Жизнь и характер почившего в Боге преподобного Джонатана Эдвардса»), знал Эдвардса лично и писал о нём как очевидец. Несмотря на то, что эта книга является очень важным источником информации о жизни Джонатана Эдвардса, она всё же слишком коротка, чтобы считаться исчерпывающей биографией. Следующая биография, самая важная на сегодняшний день, тяготеет к другой крайности. Серено Эдвардс Дуайт (1786–1850), правнук Эдвардса, потратил «много лет»¹³, чтобы подготовить свою книгу *Life of President Edwards* («Жизнь президента Эдвардса»), опубликованную в 1829 году. Все последующие биографы основывали свои труды на этой книге, которая издаётся до сих пор*, но увесистый том, написанный Дуайтом, со множеством длинных писем и документов без каких-либо сокращений не может стать популярным источником, который познакомил бы массового читателя с жизнью Эдвардса.

Возможно, именно по этой причине Джаред Спаркс попросил Сэмюэла Миллера из Принстонского университета выпустить в 1839 году новую биографию, озаглавленную *Life of Jonathan Edwards* («Жизнь Джонатана Эдвардса»). Этот труд, уже долгое время не переиздававшийся, в сущности, является сокращённой версией книги Дуайта, дополненной полезными замечаниями Миллера.

Все трое – Хопкинс, Дуайт и Миллер понимали Эдвардса и разделяли его основное видение христианской Церкви. Каждый

* С некоторыми сокращениями работа Дуайта «Жизнь президента Эдвардса» была переиздана в 1834 году в лондонском издании полного собрания трудов Эдвардса. Сегодня именно это издание выходит в издательстве Banner of Truth.

из них также был свидетелем истинных пробуждений. Более того, С. Э. Дуайт так много трудился для Бога во время пробуждения 1820-х годов, что подорвал здоровье и в 1826 году был вынужден оставить пасторское служение. Если бы не это событие, возможно, его книга об Эдвардсе так бы и не вышла, поскольку Дуайт был прежде всего проповедником, и, если бы не пошатнувшееся здоровье, он посвящал бы всё своё время проповеди.

В середине 1850-х годов шотландский пастор Александр Б. Гросарт пересёк Атлантику и занялся исследованием большой коллекции рукописей Эдвардса, хранившихся тогда у преподобного доктора Триона Эдвардса из Нью-Лондона, штат Коннектикут. Во введении к изданной в 1864 году книге *Selections from the Unpublished Writings of Jonathan Edwards* («Избранные неопубликованные записи Джонатана Эдвардса») Гросарт объяснил, что не включил в неё письма Эдвардса, «поскольку приберёт приобретённые письма и те, которые ожидал получить, для своей версии биографии человека, жизнь которого мало с кем сравнится. У меня есть уже сейчас бесценные и до настоящего времени неизвестные материалы для достойной биографии».

Мы никогда не узнаем, какие материалы действительно находились у Гросарта, потому что он так и не опубликовал свою версию биографии Эдвардса. Если бы она вышла в свет, то Гросарт стал бы последним биографом на следующие сто лет, симпатизирующим богословию Эдвардса. Следующий крупный биограф Эдвардса совершил переход к современной школе толкования. Это был Александр В. Г. Аллен, профессор Епископальной богословской школы в Кембридже, штат Массачусетс, чья работа *Life and Writings of Jonathan Edwards* («Жизнь и сочинения Джонатана Эдвардса») была опубликована в Эдинбурге в 1889 году. По словам Аллена, «при всей ценности труда Дуайта, его нельзя назвать достойной биографией, поскольку многое из того, что могло бы пролить свет на историю Эдвардса, не было опубликовано». При этом сам Аллен добавляет в своём произведении относительно мало и рассматривает жизнь Эдвардса исключительно с человеческой точки зрения. Эдвардс представлен как «инициатор, руководитель и борец» Великого пробуждения. В специальном

выпуске от 3 октября 1903 года, посвящённом 200-летней годовщине Эдвардса, бостонский журнал *The Congregationalist and the Christian World* («Конгрегационалист и христианский мир») небезосновательно писал, что Эдвардс по-прежнему «ожидает своего биографа».

Когда в XX веке вновь возник интерес к литературе и истории колониальной Америки, неизбежно оживился интерес и к жизни Эдвардса, учитывая роль его личности, оставившей глубочайший след в истории XVIII столетия. В 1930 году Генри Б. Паркс написал книгу *Jonathan Edwards, The Fiery Puritan* («Джонатан Эдвардс, пламенный пуританин»), а два года спустя Артур К. Мак-Гифферт опубликовал свой труд *Jonathan Edwards* («Джонатан Эдвардс»). Паркс был очень язвительным писателем, понимавшим Новую Англию. Однако эти авторы были практически вытеснены, когда в 1940 году вышла книга Олы Э. Уинслоу *Jonathan Edwards 1703–1758* («Джонатан Эдвардс, 1703–1758: биография»), ставшая эталоном современной биографии. Скрупулёзно используя неопубликованные рукописи Эдвардса и другие источники, Уинслоу изучила человеческие аспекты его жизни, продвинувшись далеко вперёд в исследовании его биографии. Тем более вызывает сожаление тот факт, что в своей работе она решительно отвергает его богословие. Лишь в прологе, написанном уже после того, как сама книга была закончена, Уинслоу затрагивает вопрос истины, о которой так мало сказано в самой книге. Эдвардс, по её словам, мог писать о радости в Боге и действительно в Нём радоваться. «Если у него был секрет, то он заключался в способности к такой радости до тех пор, пока ноги его не перестанут ходить по земле Новой Англии». Именно это и остаётся секретом для всех тех, кто считает веру, которую он проповедовал, «обречённой».

С появлением в 1949 году книги профессора Перри Миллера *Jonathan Edwards* («Джонатан Эдвардс») неприязнь ко всему сверхъестественному достигает апофеоза. В обзоре книги Миллера, представленном в ноябре 1950 года в *The Westminster Theological Journal* («Вестминстерском богословском журнале»), Уильям Янг высказывает мнение, что «аргументы и выводы автора подлежат

жесткой критике». Но это мнение практически не было услышано, поскольку многие студенты Миллера и другие люди хвалили гарвардского профессора за «проницательность» в трактовке исследуемой темы. Патрисия Дж. Трейси (*Jonathan Edwards, Pastor*, 1980) говорит о биографии, написанной Миллером, как о «самой смелой и интересной из всех работ». Ральф Дж. Коффман разделяет мнение университетского мира, отзываясь о Миллере как о «мастере пуританской мысли» (*Solomon Stottard*, 1978, p. 218). С. С. Вебб в 1962 году пишет, что миллеровская биография развития образа мыслей Эдвардса, возможно, является выдающимся трудом в возрождении его наследия, изучение которого началось двадцатью пятью годами ранее. В то же время Вебб добавляет, что «работа Миллера подвергалась серьёзной критике, поскольку в ней не было описано отношение Эдвардса к Библии и христианству в целом».

Приведённая цитата Вебба взята из его «Избранной биографии», являющейся частью доработанного издания (1962 года) книги *Jonathan Edwards, Representative Selections* («Джонатан Эдвардс, избранные главы»), с вступлением, библиографией и заметками Кларенса Г. Фауста и Томаса Г. Джонсона, 1935 год. Данная работа включает введение, библиографию и примечания. Работа Фауста и Джонсона имеет большое значение. Библиография Вебба, добавленная к доработанному изданию, также важна, поскольку содержит полные библиографические сведения о трудах Эдвардса, опубликованных после 1940 года. Все сочинения Эдвардса, изданные до 1940 года, приводятся в книге *The Printed Writings of Jonathan Edwards, 1703–1758: A Bibliography*, Т. Н. Джонсон, 1940 года («Опубликованные сочинения Джонатана Эдвардса, 1703–1758: Библиография»). Эти две работы демонстрируют современный подход в его лучшем проявлении. В настоящей биографии предложен общепринятый взгляд на жизнь Эдвардса. Мы надеемся, что однажды всё же будет написана наиболее полная и богословски достоверная биография Эдвардса. Вероятнее всего, такая работа должна будет появиться на американском побережье Атлантики, поскольку именно там находятся наиболее важные первоисточники. А тем временем,

учитывая современное состояние христианской Церкви, существует настоятельная потребность в том, чтобы молодое поколение взялось за чтение Эдвардса. Мы надеемся, что, благодаря этой книге, эта цель будет в той или иной мере достигнута, поскольку работы Эдвардса не должны быть прерогативой лишь учёных и студентов университетов. В то время как все его работы имеют особое значение для тех, кто готовится стать пастором или нести какое-либо другое христианское служение, многие из его сочинений неизменно важны и для всей христианской Церкви. Почти всю свою сознательную жизнь он был пастором, который проповедовал и наставлял обычных церковных прихожан сначала в провинциальном городе, а затем на пограничной заставе. Бог даровал Эдвардсу такую способность к толкованию Писания, что на сегодняшний день он остаётся одним из ведущих учителей Церкви.

Банкрофт писал, что «любой исследователь Новой Англии XVIII века должен посвящать дни и ночи изучению работ Джонатана Эдвардса». Что касается этой биографии, то в настоящее время существуют ещё более серьёзные причины читать труды Эдвардса.

В сентябре 1870 года около 200 потомков Эдвардса собрались на двухдневную семейную встречу в Стокбридже, штат Массачусетс. Во время встречи было произнесено много приятных речей, родственники пили чай на открытом воздухе и посещали памятные места, во всём царили вежливость и очарование викторианской эпохи. Однако было заметно, что один гость проявлял всё большее нетерпение. Выступление С. Ириней Прайма с речью не было запланировано. Лишь после того, как стало известно, что представитель Принстонского университета, который должен был произнести заключительное слово в первый день встречи, не смог приехать, Прайма попросили выступить с «очень краткой» речью, чтобы заполнить пробел в расписании. Из всех обращений, прозвучавших на этом собрании, его немногословная речь запомнилась больше других. Он поразил своих слушателей, заявив, что память об Эдвардсе означает гораздо больше, чем

преклонение перед историей, потому что весть, проповедуемая Эдвардсом, актуальна в любую эпоху:

«Она несёт в себе жизнь Христа; она подчиняет разум Божьей власти и почитает Духа Святого... В его богословии есть и возрождение, и покаяние, и спасение от ада. И благодаря этому его богословие было, есть и навсегда останется Божьим богословием, пока не будет Христос всё во всё».

Прайм заявил, что студент, приезжающий в Принстон, слышит именно это богословие, и, когда он посещает могилу Эдвардса и его соратников более ранней эпохи, «их огонь горит и в его душе».

До тех пор, пока жизнеописание Эдвардса не произведёт на нас такое же впечатление, мы не сможем понять его самого.